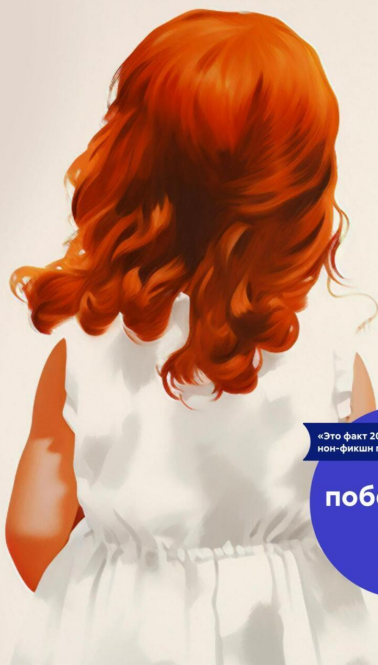

Тоня Третьякова

ПРОЦЕНТЫ СЧАСТЬЯ

и граммы радости

«Это факт 2023» – конкурс
нон-фикшн произведений

победитель

Литрес

Тоня Третьякова

Проценты счастья

и граммы радости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70058752

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90633-4

Аннотация

Это история о том, как семья с тремя детьми, котом и приходящей свекровью справлялась с внезапно нахлынувшей катастрофой. Когда трехлетняя Дана попала в реанимацию с диагнозом «диабетическая кома». Я начала писать эту книгу, потому что пройдя через кошмар реанимаций и сумасшедший дом личной адаптации, поняла – с пугающим диагнозом жизнь не закончилась, мир по-прежнему может быть смешным, уютным и добрым к тебе.

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 4	46
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Тоня Третьякова

Проценты счастья

и граммы радости

Сведения, приведенные в этой книге, не должны и не могут рассматриваться как профессиональный медицинский совет или консультация. Ни автор, ни издатель не несут ответственности за какой-либо ущерб, который может возникнуть в связи с использованием этой информации.

Моей любимой героической семье посвящается

От автора

Нашу трехлетнюю дочь срочно увезли в реанимацию. Оказывается, 80 % родителей детей с диабетом впервые узнают о диагнозе именно таким шокирующим способом – их ребенок внезапно попадает в реанимацию. Им приходится сначала смириться с тем, что эта болезнь навсегда, а затем научиться жить с нею. Все эти заботы и достижения будут знакомы и родителям детей с другими хроническими заболеваниями. Для всех остальных – это история о том, как семья с тремя детьми, котом и приходящей свекровью справлялась с внезапно нахлынувшей катастрофой. Я люблю своих близких, но без солидной доли юмора мне бы не удалось преодолеть те проблемы, которые на нас свалились.

Сейчас наша дочь уже ходит в школу, а мы прочитали и освоили огромную гору информации о диабете 1 типа, научились виртуозно рассчитывать дозы инсулина и дневную диету до грамма.

Я начала писать эту книгу, потому что хотела поделиться не только научными сведениями о диабете, но и радостью: пройдя через кошмар реанимаций и сумасшедший дом личной адаптации, я поняла, что с пугающим диагнозом жизнь не закончилась, мир по-прежнему может быть смешным, уютным и добрым к тебе.

В этой книге описан первый год нашей жизни с диабе-

том. Да, мой ребенок теперь должен всегда оставаться под присмотром, но чувствует себя вполне здоровым и сильным. Дочь не стала беспомощным инвалидом, она может вести почти обычную жизнь, хоть и нуждается в постоянной заботе. Все домашние преодолели чувство конца света и научились жить с болезнью, встроили ее в повседневное существование так, что она больше не отнимает ощущение семейного тепла и счастья.

Эта книга пестрая, как наша жизнь – вы найдете в ней смешные и трагические детали ежедневного быта и научные факты о диабете. Сухие важные сведения для удобства читателей вынесены в отдельные колонки. Это не медицинское пособие, я не даю советов по лечению диабета, а просто рассказываю личную историю.

Вы найдете в книге анализы, показания глюкометров и данные из ежедневного дневника самоконтроля. Это именно та конфиденциальная личная информация, о которой спрашивают в анкетах: «Разрешаете ли вы использовать ваши личные данные?» Я разрешаю. Надеюсь, что эта информация вам никогда не пригодится.

Школа стала новым непростым этапом нашего взросления, но в этой книге я расскажу только о самом первом годе адаптации.

Все, что написано про диабет, – правда, а вот семейные события слегка беллетризованы, имена также изменены, поэтому, если кто-то узнает себя, я не виновата. Я старалась.

Это первая в России книга-друг для тех мам и пап, которые устали бояться, что они все сделают не так, потому что их дети отличаются от остальных. Писать про больных детей не принято, потому что страшно, стыдно и хочется сохранить врачебную тайну. Но из-за этого многие родители, попавшие в схожую ситуацию, не получают важного ресурса, который помог бы им справиться с ситуацией. Они забывают, что есть много таких же, как они. Они не одиноки. Они обязательно справятся и найдут свой путь к счастью.

Когда со мной случилась эта история, я вдруг увидела, как много вокруг равнодушных людей, готовых помочь и поддержать. Такое количество друзей у меня было только в детстве, когда я перешла в новую школу. Не имея возможности выразить свою благодарность адресно – каждому, я делаю это с помощью своей книги. Спасибо всем, кто верил в лучшее и помогал справиться с худшим!

Глава 1

Я всегда боялась инвалидов. Казалось, задержи на них взгляд дольше обычного, и тебя втянет туда – в болезнь, в мир страшной сказки, полной чудовищ, запретов и отчаянной надежды на чудо.

Вот и сегодня, засмотревшись в окно на интересные – насквозь прошнурованные – задние карманы джинсов, я резко отвернулась. Джинсы были надеты на мужчину, чья походка явно выдавала в нем человека, страдающего полиомиелитом.

– Мам, на что ты смотришь? – спрашивает дочь.

– На шнурочки, – честно отвечаю я. Не говорить же, что пялюсь на чужую попу?

Вообще, к попам я равнодушна: всегда отмечаю их наличие или отсутствие. Мой муж, профессор литературы, тоже. Собственно, я и замуж-то вышла во многом благодаря этой части тела. Хотя Леша бормотал что-то про общность интересов и мои прекрасные глаза, но я-то знаю, что моя пятая точка сыграла в этом событии не последнюю роль.

Наша старшая дочка, девятилетняя Майя, может похвастаться отменной стройностью. Зато младшая, Данюша, пошла в меня по части попы. Ей всего три, но уже понятно, что «неизлечимой женской болезнью плоскопопием» она страдать не будет. Отсутствием аппетита тоже.

– Завтра будут выбирать старосту класса, – ковыряется в тарелке Майка. – Может быть, я буду старостой...

– Нет! Нет! – вскрикивает младшая.

Ложка летит на пол.

– Данюша, почему ты так протестуешь?

– Не хочу, чтобы Майя была старой.

Старшая закатывает глаза, я умиленно шмыгаю носом и облизываю поднятую ложку:

– Ты ж мой сладкий персик! Любишь сестру.

– Мам, какая любовь? – возмущается черная голова. – Я не хочу, чтобы у меня была тупая сестра. Она просто не знает, что такое староста.

– Вот и объясни ей, – предлагаю я.

– А можно мне еще водички? – спрашивает довольная рыжая макушка.

– Ты ж только что два стакана выпила.

– Не давать ей воды, – влезает в разговор Леша. – Она вчера всю постель зассала. Мне пришлось менять. Не давать!

Персик начинает рыдать. В комнате откликается месячный Женька.

– Ой, да делайте, что хотите, – машу руками я, удирая к сыну.

Дипломатичная Майка за моей спиной предлагает отлить два глоточка в маленькую чашечку. Наперевес с сыном возвращаюсь обратно. Если у вас в гостях свекровь, то внезапное исчезновение может быть приравнено к заговору.

– Чувствуешь, что сын – это другое? – спрашивает Клавдия Анатольевна, тиская маленькую пятку.

Она подразумевает «ты любишь его больше?» И ведь, казалось бы, преподаватель вуза, должна понимать, что есть вопросы, на которые не существует ответа. Если бы я ее спросила, кто лучше: Пушкин или Толстой? Небось своим студентам таких каверзных задач не задает. Хмыкаю, делая вид, что пытаюсь перехватить малыша поудобнее. Хотя куда уж удобнее: в месячном возрасте дети напоминают аккуратные батончики и весят совсем немного, так что держать их на руках – одно удовольствие.

– Неужели и с третьим ребенком не прочувствуешь, что высшее счастье женщины – заниматься детьми? – удивляется Клавдия Анатольевна. – Ладно девочки. Но ведь теперь у тебя есть сын.

С размаху тыкаю в кнопку чайника, свекровь любит очень горячий чай. Практически переходящий в кипяток. «От вас даже чайник кипятком писает», – хочу сказать я, но вспоминаю, что с некоторых пор являюсь почтенной матерью троих детей. Делаю глубокий вдох.

За полтора месяца жизни с сыном этот вопрос мне задали уже раз восемь. И все случайно встреченные на остановке знакомые верят, что я сразу, не отходя от урны, начну выкладывать им сокровенные тайны сердца. Ха! Так и тянет сказать: мечтаю сдать двух детей в детдом и оставить только одного. Угадайте, кого?

Приходится скрывать страшную правду: никакой тайны нет, я тупо люблю всех детей одинаково сильно. Делаю страшные глаза и многозначительно шевелю бровями. Каждый расшифровывает это по-своему.

– Всегда знала, что один ребенок лучше, – соглашается моя школьная учительница, у которой уже есть правнук в Америке. – Любишь его больше всех – и всё. Вот как я свою Дарину. Не представляю, как бы я могла любить кого-то еще!

– Муж очень нечестно относится к детям, – признаётся одноклассница Катя. – Глафуре всё-всё покупает. А на Колю ругается.

– С Ромочкой нам вместе хорошо, а Егор уже всё, отрезанный ломоть. Да мне всегда без него лучше было, – рассказывает соседка по подъезду. – Он и пить начал в последнее время, сошелся с какой-то шалашовкой.

Почему в жизни получается такая несправедливость, что одних любят больше, а других меньше? Хотя эти другие, кого меньше, несколько не хуже. И если кто-то начал пить, так попробуйте не начать, когда вы из тех, кого меньше. Неужели я со временем тоже должна выбрать самых и не самых любимых?

«А Клавдии-то Анатольевне какво? – вдруг осеняет меня. – Пришла такая я и увела ее маленького милого Женеч-

ку, то есть Лешеньку. Короче, ребенка. А она еще в гости ходит, помогает. Чай пьет. Кремень, а не женщина!»

Достаю из холодильника банку с заветным сливово-апельсиновым вареньем.

– Кушайте-кушайте, вы с работы, устали, – нежно воркую я, придерживая Женьку, который пытается прослунить мой халат насквозь. – Мы тоже пойдем немного подкрепиться.

Устраиваюсь в спальне. Сын принаравливается и с умиротворенным чмоканьем приникает к груди. Длинные ресницы топорщатся маленькими противотанковыми ежами. Чувствую, что отрубаясь. Из дремотного состояния вырывает боль: кто-то вонзает иголки мне в бедро.

– Ой! – с подозрением вглядываюсь в туго запеленатого сына. Но он, во-первых, спит. Во-вторых, никак не мог дотянуться до моей коленки. В-третьих, откуда бы ему взять иголки?

Покрывало рядом шевелится, и из-под него вылезает когтистая лапа.

– А-а-а! Вот он, гад, – шепотом ору я. – Леша! Клавдия Анатольевна! Заберите животное! Он меня когтит! Отнимает у Женьки еду! Помогите!

В спальню заглядывает Майя.

– Бабушка уже ушла, давай возьму, – неразборчиво предлагает она, пережевывая что-то очень большое и шоколадное.

Убегающие шоколадные слюни вытираются руками, руки

– штанами.

Майка в последнее время стала ужасной неряхой. Она отказывается чистить зубы, аргументируя тем, что молочные зубы всё равно выпадут, зачем стараться. После этого Леша на любые препирательства по поводу чистоты стал отвечать одинаково:

– Я не буду мыть уши!

– Правильно. Это молочные уши, они отпадут.

– У меня не грязные руки!

– Это молочные руки, они отпадут.

Игнорирую шоколадные слюни и спрашиваю:

– Май, а ты с Даной поиграла? Книжку прочитала?

– Да она не играет, – отвечает на самый безопасный вопрос Майя. – Лежит, и всё.

– Почему лежит? Заболела? Опять съела что-то не то? Я же говорила – только яблоки!

Несусь в детскую.

– Доча, ты как? Что-то болит?

– Нет.

Муж:

– Да она просто устала, набегалась. Пусть отдохнет. Что ты к ней пристала? У нас сокращения, а ты дурию маешься.

Идем на кухню.

– Какие сокращения?

– Я ж тебе объясняю. Каждый должен получить по ставке. Ставок пять. Нас семеро. Двоих уволят.

– Да ладно!

Я, конечно, слышала об этом раз сто: кризис, сокращения, увольнения и пр. Но одно дело – общая экономическая ситуация. Если в нашей стране не привыкнуть от этого отстра-
няться, очень скоро можно попасть в отделение неврозов. А
то и что похуже. Совсем другое дело – твоя семья, с которой
ничего не может случиться. Ведь она же твоя!

– Вы всегда ноете, что уволят, а сами, как обычно, курсы
поделите: эта долька для чижа, эта долька для моржа...

– Ректор уже подписал приказ. Зато зарплата вырастет.

– Тебя не уволят? – тревожно спрашиваю я.

– Кто у них тогда будет показатели цитируемости выда-
вать?

– Асламзян, – предлагаю альтернативный вариант я. Не то
чтобы я в курсе индекса Хирша академика, просто поднато-
рела в дискуссиях с мужем. На любой его вопрос можно пи-
хать Асламзяна – не ошибешься.

– Ты что, думаешь, я хуже Асламзяна?

– В миллион раз лучше. Кроме того, он старый и спит с
Песоцкой. А ты без пяти минут «Молодой ученый года».

– Говорят, пенсионеров будут увольнять. Ну, не академи-
ков, конечно. Но вот Кушнарев...

– А мамант как раз пенсионер! – ахаю я. Меня совершен-
но не устраивает такой вариант развития событий. Если све-
кровь уволят, то ведь надо будет ей помогать финансово. А
у нас и так с деньгами не столь густо, как хотелось бы. И по-

том, что она будет делать без своего университета? Сидеть на краю чужого гнезда? Ладно, пусть не чужого, пусть нашего. Но ведь она только говорит, что дети самое главное, а сама не допускает мысли поставить зачет автоматом и не ходить на пары.

– Нет, они там совсем с ума посходили. Уволить всех пенсионеров – это ж полкафедры. А рейтинги кто будет делать? Набрали бы студентов побольше, вот и ставки. Ты же говорил, у вас на бюджет конкурс три человека на место!

– План приема спускает министерство, – закатывает глаза муж. – Сколько область может себе позволить, столько она денег и выделяет. Их, знаешь ли, тоже легко понять: нафига им на областные налоги учителей для Москвы готовить?

– Бе-е-е.

Сталкиваемся на пороге детской. Дана стоит на коленях, безгловно поднимая то одну, то другую руку из лужи рвоты.

– Фу-у-у, – возмущается Леша. – Дана, что опять такое?!

– А сам не видишь? Плохо человеку. Давай, вызывай врача.

– У меня нет телефона.

– В моем мобильном забит. Ты профессор или где? Или хочешь, я звоню, а ты убираешь Blue water.

– Звоню уже. Ни днем, ни ночью от вас покоя нет...

Очень хочется сказать, что те, кому хочется покоя, не должны заводить семью и троих детей. Но, во-первых, психологи говорят, что ссориться в спальне очень вредно для

семейной жизни, а мы с Даной уже перебрались в спальню. А во-вторых, мне тоже периодически, раз двадцать в день, хочется покоя. Что ж нам теперь – сдать детей в интернат?

Если бы моя свекровь слышала мои мысли, она точно подсыпала бы мне яду. Куда-нибудь в губную помаду, чтобы не навредить случайно обожаемым сыну и внукам. Она и так считает, что я ужасная мать: не гуляю с детьми, не занимаюсь с ними языками и музыкой. «Как можно быть такой ленивой? Ты же мать!» «Как можно не организовать ребенку три новогодних елки? Ты же мать!» «Как можно отправить ребенка гулять без третьей кофты? Врезать бы такой матери!» Я думаю, что свекровь – это как пятая колонна: делает вид, что своя, а на самом деле ведет антипропаганду и подрывную деятельность. Недаром большевики считали, что самые ужасные противники – меньшевики. Вроде как свои, но в важных вопросах имеют другую точку зрения – неправильную. Потому что правильная – наша. А свекровь – самый посторонний и чужой человек в нашей семье.

Педиатр пришла в последние полчаса перед окончанием приема. Помяла живот, посмотрела горло.

– Рвало? Сколько раз?

– Дважды. А еще она...

– Ротавирус. Все болеют. И каждый дергает по пустяковому поводу, можно подумать, сами не знаете, что делать, когда у ребенка живот болит. Не первый, чай, – осуждающе фыркает врачиха. – Больше пить, вот это и еще то, я написа-

ла. Всё, через неделю придете в больницу.

– Но ведь Данюша...

Врачиха уже спешно натягивала в коридоре куртку, бурча «бестолочи, никакой ответственности», и я поняла, что спорить бесполезно. Лучше согреть теплой воды и отправить мужа за регидроном. Ротавирус – это мы уже проходили: противно, но ничего такого страшного.

Глава 2

Наконец-то суббота! Я радостно отполоскалась в ванне. Развесила белье. Теперь мы с пеленками чистые и приятно пахнем разными освежающими запахами. Дана всё лежит. Так тихо и спокойно, что иногда я про нее забываю. Заглядываю, а на кровати кто-то белеет. «Ой, что это, – думаю, – привидение?» А это дочка.

– Дружок-пирожок, ты покушать не хочешь? – заискивающе спрашиваю я. Если кто-то вместо того, чтобы посидеть с больным ребенком, играл в енота-полоскуна, потом он чувствует себя виноватым. – А в туалет? Может, водички?

Дочка медленно поворачивает голову вправо. Потом, подумав, влево. Этот жест отрицания явно дается ей с трудом.

– Даже сырочек не будешь? – дрожащим голосом спрашиваю я. Осознание надвигающейся катастрофы накрывает дрожью. Никакой это не ротавирус. Она даже в туалет ни разу не сходила. И вырвало-то всего один раз.

А там, за окном – суббота. В поликлинике только дежурный врач, который вряд ли скажет больше лахудры-педиатрки.

– Надо вызвать скорую, – говорю я высоким, не своим голосом.

Всё во мне противится этому решению. Ведь скорая – значит, всё серьезно. Значит – больница. Значит – беда. Разве с

моим солнечным рыжим ребенком может случиться беда?

– Тебе лишь бы скорую! – ворчит муж. – Зачем скорую? Думаешь, надо скорую? Давай звони скорее, что ты стоишь?

Господи, спасибо, что ты послал мне такого правильного мужа. Набираю номер.

– Имя?

– Дана.

– Че-го-о?

– Дмитрий, Артем, Николай, Анатолий.

– Женщина, к кому из них вы вызываете скорую, говорите нормально!

– Девочка, три года, лежит и не отзывается. Она не встает, не пьет...

– Женщина! Фамилия как?

– Моя?

– Девочки! Может, вам самой скорую психиатрическую вызвать?

– Борохова.

– Хоть фамилия нормальная. Температура есть?

– Да-да, тридцать восемь. И восемь! – вру я. Наша скорая очень верит в опасность температуры.

– Адрес какой?

Оттарабанив адрес, отключаюсь.

– А если ехать придется? – испуганно спрашивает муж.

– Может, не придется, – автоматически успокаиваю я, переводя взгляд с Жениной кровати на Данину комнату. И

обратно – с Даниной двери на Женину кровать.

Очень плохо, когда у тебя много детей. Потому что как можно выбрать между ребенком и ребенком? Между работой и ребенком – понятно. Даже между мужем и ребенком можно, но между ребенком и ребенком?

– Я позвоню маме, – говорит муж.

Радостно киваю. Замечательно, что в доме будет взрослый человек. Мамы – они ведь взрослые, всё знают. А мы еще маленькие.

Клавдия Анатольевна прибежала раньше скорой.

– Что? Что? Ты можешь хоть что-нибудь сказать внятно! – испуганно заорала она с порога.

– Тише. Женя спит.

– Что с Женей?

– С Женей всё хорошо. Я вызвала скорую. Для Даны. Она лежит и ни на что не реагирует.

– Да-а-ана-а? – неверяще тянет Клавдия Анатольевна и кладет шапку в Лешин ботинок.

– Белая вся. И не кушает, – шепчу я. – Совсем ничего не кушает!

– Мам, мы просто подумали, что если ехать на скорой, то придется тебе.

– Но я даже не собралась! – пугается Клавдия Анатольевна. – А что говорит врач?

– Мама! Что он может сказать, если его еще нет? – рычит муж.

Женя вздрагивает от звука и присоединяет свой вопль к рыку отца.

– Тш-ш-ш, маленький, тш-ш... Чего орешь, бармалеина? Ребенка разбудил! Спокойно, спокойно...

Женька переводит дух. В дверь трезвонит скорая. Сын издает новую порцию басовитого воя.

– Проходите-проходите... У нас тут вот...

– Это кто, Дмитрий или Анатолий? А говорили, девочка вроде...

– Евгений это. А девочка здесь.

Дана лежит на кровати немым укором спокойствия. На фоне белой простыни ее волосы кажутся не припыленно-бронзовыми, а насыщенно-рыжими.

– Температура? Что произошло?

Путаясь и сбиваясь, признаюсь, что наврала про температуру и в общем-то ничего нет. Но ребенок – вот. Лежит и спит. Всё.

Крепкая тетка закатывает рукава и очень осторожно переворачивает дочку. Щупает, слушает, оттягивает веко и светит в глаз. Ее толстые неаккуратные руки с очень коротко и небрежно подстриженными ногтями так нежно держат моего ребенка, что я вдруг понимаю: всё будет хорошо. Когда приходит такой врач, то всё обязательно делается хорошо.

– Сахар, – говорит врач.

– Принести сахару? – переспрашиваю я.

Медсестра достает маленький приборчик, похожий на

древний пейджер, и прокалывает палец. Рука дочери, украшенная алой точкой крови, падает на простыню.

– Уф! – медсестра издает странный фырк.

– Ого!

– Да-а... Сорок!

– Что сорок? – слабым голосом спрашиваю я, чувствуя себя Петькой из анекдота про Чапаева. Приборы, Петька? Триста, Василий Иванович! Что «триста»? А что «приборы»?

– Сахар у вашей дочери – сорок. Она в коме уже. В реанимацию. Может, успеем.

Я с размаху сажусь на кровать прямо на неподвижные ножки Данюши. Женька зыркает круглыми глазами. Клавдия Анатольевна суетливо перебирает ботинки сына в поисках шапки.

Что значит «успеем»? Что они могут не успеть?

* * *

– Повышенный сахар – это значит диабет, – муж когда-то хотел стать медиком, но потом решил освоить более мирную специальность.

Ноутбук шипит змеей, загружаясь. Леша вперяется в экран. Его глаза бегают по неожиданным траекториям: не справа налево, а то вверх, то вниз, то бросаются в сторону, то снова почти останавливаются, выхватывая куски текста.

– Ну?

– Есть диабет первого и второго типа. Это совершенно разные заболевания. Диабет второго типа – это диабет взрослых, им болеют, в основном, люди старше тридцати пяти лет. Как правило, с лишним весом, так как со временем организм не может продуцировать то огромное количество инсулина, которое необходимо для поддержания нормального уровня сахара в такой массе. При диабете второго типа способность производить инсулин не исчезает, но постепенно организм становится к нему нечувствительным, поэтому надо пить таблетки, чтобы эту чувствительность повысить.

– Что за чушь! Дале три года. Она не толстая! Просто немножко крепенькая. Причем тут диабет?

– Диабет первого типа – «детский» диабет, – как пономарь, продолжил читать муж. – Он является инсулинозависимым, то есть сразу после постановки диагноза нужно вводить инсулин. При этом типе диабета клетки поджелудочной железы, производящие инсулин, атакуют друг друга. Первая атака на бета-клетки происходит за много лет до появления первых симптомов диабета. К моменту диагностики диабета восемьдесят-девяносто процентов бета-клеток уже разрушены.

– Стоп! Инсулинозависимый? Что это значит? Наш ребенок станет наркоманом?

– Инсулин – не наркотик, это гормон. Его вырабатывает организм любого здорового человека. Вот, смотри схему.

На экране картинка из учебника анатомии. Я старательно

вчитываюсь в подписи.

Что мы узнали

Гормоны работают, как ключи, открывающие двери разным функциям организма. Один из них – инсулин, вырабатывается в поджелудочной железе особым типом клеток – бета-клетками. Эти бета-клетки находятся в части поджелудочной железы, которую называют островки Лангерганса.

Когда человек ест, концентрация инсулина в его крови быстро повышается, и глюкоза из пищи доставляется в клетки организма. У здорового человека уровень глюкозы после еды не поднимается больше чем на один-два миллимоля на литр. Инсулин вместе с кровью поступает в разные клетки организма и позволяет глюкозе проходить внутрь клетки, так как клеточная мембрана становится проницаемой для нее. Оказавшись внутри клетки, глюкоза с помощью кислорода превращается в воду, энергию и углекислоту. Но у диабетика всё не так, у него фактически нет собственного инсулина...

Картинка сменяется другой, гораздо более сложной, испещренной линиями и сносками. Я закрываю глаза. Не хочу занудных сложных объяснений. Не хочу болезни. Хочу простых ответов на свои тупые вопросы.

– Но почему? Почему возникает диабет?

– Никто толком не знает. Теорий много. Главное – наследственность, генетический сбой. У тебя в родне есть диабет? – муж окидывает меня тяжелым взглядом прокурора.

– Не-е-е...

– Вирусное заболевание может запустить диабет, прививки, например.

– Мы не делали прививок уже полтора года.

– Если мать болела определенными вирусными инфекциями во время беременности, у ребенка повышенный риск развития диабета. Если мать пила много коровьего молока во время беременности или ребенок пил много его в первый год жизни.

Открываю рот. Молоко мы пили. И пьем. Мы все любим выпить по стакану молока на ночь или с куском пирога. Но ведь оно полезное. Нам всегда внушали: «Пейте дети, молоко, будете здоровы».

– А сладости? – выдавливаю я. Дочка была – нет, есть! – сладкоежка.

– Ускорить могут, стать причиной – нет. А вот употребление отцом копченой баранины во время зачатия, как было выявлено в Исландии, является фактором риска. В баранине содержатся нитрозамины, поэтому высокое содержание нитратов в воде и в пище тоже могут повлиять на развитие диабета. Чрезмерные стандарты гигиены, недостаточные контакты с инфекциями тоже могут стать фактами риска при появлении диабета, – нудным профессорским голосом про-

должает читать муж.

– Но почему мы? Что мы такого сделали? – бормочу я. – Никакой лишней гигиены, баранины, наследственности...

– В США диагностируется около тринадцати тысяч новых случаев диабета у детей каждый год. В Америке больше ста двадцати пяти тысяч детей до девятнадцати лет имеют диабет, это второе по частотности хроническое заболевание.

– А первое?

– Первое – астма. В России примерно пятнадцать тысяч детей до пятнадцати лет получают диагноз «диабет первого типа», и каждый год диагностируется еще около двух тысяч пятисот случаев. Заболеваемость диабетом в России очень отличается в разных регионах. Больше всего диабетиков в Северо-Западном федеральном округе, меньше всего – на Дальнем Востоке.

– Переезжаем на Дальний Восток!

– Тогда уж сразу в Японию. Там очень редко встречается диабет первого типа у детей, – вздыхает муж. – Только поздно уже переезжать.

* * *

Названия болезней часто звучат красиво или хотя бы приятно. «Диабет» – слово, звучное само по себе, а он ведь еще и не простой, а сладкий – сахарный. Слова всегда так много значили в моей жизни, что поверить в их предательство

попросту не получается. Если диабет – сахарный, значит, не очень страшный, правда?

В детстве я очень любила играть с мамой в буриме. Мне нравилось из отдельных, на первый взгляд, никак не связанных между собой кусочков-слов создавать нечто целое. Получать живой и осмысленный мир. Из вороха всего этого рифмоплетства врезалось в память только одно четверостишие (пион-шпион, валяться-сдаваться):

«У меня был красивый пион,
Как я любил под ним валяться!..» —
Так думал западный шпион,
Когда приехал к нам сдаваться.

Сразу видна идеологическая верность сочинителя кодексу строителей коммунизма. Во-первых, обличается лень и расхлябанность гнивающего запада, во-вторых, наши побеждают, причем не с помощью грубой силы, а, видимо, как-то иначе, раз шпион сам приехал сдаваться. Одним словом, картинка складывается вполне сюжетная, за кадром ощущаются интриги, приключения и прочие милые детскому сердцу жизненные аксессуары.

Я любила всевозможные игры в слова: и выстраивать простые цепочки, например, из городов мира, и составлять много маленьких слов из одного большого, и сочинять рассказы на одну букву. В подростковом возрасте слова стали моим хлебом, вином и наркотиком. Я довольно рано определила

для себя два надежных способа гармонизации действительности: чтение книг и придумывание историй. Первый восполнял широту и разнообразие окружающего мира, а второй – мое личное участие в бурном кипении жизни. Я встречалась с волшебниками, спасала мир и крутила романы.

С возрастом страсть к словам не утихла. На студенческой скамье мы с однокурсниками прятались на задней парте и сочиняли стихи, рассказы и хармсинги, кодируя в них получаемые знания. Став редактором школьной газеты, я первым делом завела рубрику «Бирюльки», где с упоением продолжала играть в слова, прикрываясь лингвистическим развитием детей. Ребята меня честно «крышевали», и на свет появлялись такие персонажи, как Влюбленная Верочка (рассказ на одну букву), или Вобробла Пугечевна. (По аналогии с именами-аббревиатурами, когда-то популярными в СССР, мы придумывали свои. Например, назвать девочку таким образом мы предлагали рафинированным любителям литературы. В имени закодировано два лозунга: Вобробла – «Высшее образование – основа благополучия» и Пугеч – «Пушкин – гений человечества»).

После рождения детей я поняла, что для меня внятно вербализовать свое желание означает наполовину его осуществить. Именно слова стали теми вехами, которыми я размечала свою жизнь. Но только инструментом – не целью. Предназначение скрывалось в тумане, и мне никак не удавалось сбросить этот покров. Я даже обратилась к астрологу, ко-

торый огорошил меня сообщением о том, что я должна создать уникальную ячейку общества. Одним словом, цель моей жизни – семья и, особенно, дети. Сказать, что я была в шоке, значит, не сказать ничего. После падения из высоких эмпиреев к традиционному «кирхе, киндер, кюхен» я долго соскребала себя с асфальта и боролась с желанием сбежать от семьи в Гималаи. Но по прошествии времени начала подозревать, что правда жизни догонит меня и там.

Тогда я повернула обратно и, как неисправимый любитель слов, обратилась к авторитетам. В частности, меня интересовала пирамида Маслоу, в которой множество человеческих потребностей делилось на пять основных категорий: физиологические (голод, жажда), потребности в безопасности (комфорт, постоянство условий жизни), социальные (общение, привязанность, совместная деятельность), престижные (самоуважение, признание, достижение успеха и высокой оценки), духовные (познание, самовыражение).

Я задумалась: а какая потребность удовлетворяется в намерении – быть мамой? Низшая – физиологическая или восходящая к духовным вершинам – максимальная личная самореализация?

Раньше я льстила себе мыслью о втором варианте, но сейчас твердо уверена – первый. И это очень хорошо. Именно инстинкт – примитивный, мощный, звериный – может дать такому хлипкому интеллигенту, как я, силы пережить всё случившееся.

Глава 3

Кружу по квартире, прижимая сына к груди. Кухонное окно, батарея в спальне, детская кроватка и снова – кухня, спальня, детская, и опять кухня, спальня... Муж прилип к компьютеру, ожесточенно ударяя по клавиатуре. Он вглядывается в пробегающий по экрану текст и подслеповато щурится, хотя зрение у него всегда было не по-филологически стопроцентным.

– Уже можно звонить? Можно? – жалобно спрашиваю я, косясь на часы. Прошло полтора часа с тех пор, как мою дочь увезли в реанимацию. И я даже не поехала с ней. Что я за мать, если с дочерью в реанимацию отправляется свекровь?

– В норме сахар должен быть от 3,8 до 5,6 миллимоля на литр.

– А у нее сорок.

– Да.

– Может, я уже позвоню? – робко спрашиваю я.

– Не знаю, – муж пытается привычно сгорбиться, но у него не получается. Будто его ударили в спину и теперь очень больно менять положение позвоночника.

Что мы узнали

Рвота – это признак наступления кетоацидоза,

диабетической комы. Кетоацидоз лечат внутривенным введением инсулина и жидкости. Он всегда возникает при недостатке инсулина. Если ребенок не пьет достаточно жидкости, то наступает обезвоживание. (Но мы же не знали, что надо много пить! Мы специально ограничивали количество воды, чтобы Дана не описывалась всё время!)

Кетоны образуются в организме при распаде жиров. В здоровом организме мышцы, сердце, почки и мозг используют кетоны как источник энергии. Но в случае диабета они образуются при недостатке инсулина. Повышение количества кетонов делает кровь кислотной, вызывая кетоацидоз. Организм пытается избавиться от кетонов, выделяя их либо в мочу, либо в виде ацетона, который выдыхается через рот, придавая дыханию сладковатый запах.

При диабете глюкоза не способна проникнуть внутрь клетки – инсулина-то нет, клетки действуют в режиме голодания. Организм не понимает, что у него диабет первого типа, и пытается поднять уровень глюкозы в крови всё выше и выше. Организм моей дочери думает, что отсутствие глюкозы в клетках означает низкий уровень глюкозы в крови. Он борется, с помощью адреналина расщепляет жиры, чтобы получить больше глюкозы в крови, попутно образуя кетоны в печени. Бедный организм не знает, что он голодает среди огромных (40 вместо 5!) запасов глюкозы.

«Ты взрослая тетка. Ты мать. Давай, рохля, протухля, во-

нюхля! Звони, – накручиваю я себя. – Тебе что, не интересно, что там с твоим ребенком в реанимации происходит?»

Когда я была не то дошколенком, не то младшим школьником, мы с мамой ездили на турбазу «Темный лог». Там вместе с сыном маминой коллеги Сантаем я отправлялась «бегать». Один раз мы забрели на территорию соседней полувоенной базы. Там были не просто дощатые мостки для купания, как у нас, а настоящая вышка для прыжков в воду. Не особо высокая, как я сейчас понимаю, метра три. Но тогда она казалась выше Монблана.

Сантай тут же покорил Монблан и прыгнул вниз. Его черная веселая голова вынырнула спустя несколько томительных секунд, и я поняла, что мне тоже не отвертеться.

– Давай! – махал Сашка.

Пришлось двинуться вперед. Мостки под пятками были настолько теплыми, что казалось кошунством от них оттолкнуться. Я передвинула левую ногу чуть-чуть вперед, так, чтобы большой палец свисал над пропастью. Может быть, если постоять, то получится привыкнуть к ощущению пустоты вокруг. Совсем чуточку.

Я благоразумно не смотрела вниз. Только на загорелую Сашкину голову, качающуюся в нескольких метрах впереди.

– Ленка, ну ты чего?

И я шагнула вперед – солдатиком. Главное чувство, которое ворвалось в меня, когда я в бесконечном стремительном штопоре погружалась и погружалась в воду, чувствуя,

что здесь вообще не существует никакого дна, – облегчение. Мне было легко, потому что я уже сделала самое сложное – оторвалась от надежного пола вышки. Дальнейшее зависит не от меня.

Примерно то же самое – палец, зависший над пустотой, – я чувствовала сейчас. Указательный завис над кнопкой и всё никак не мог рухнуть в пропасть номера. Женька завозился, пытаясь выпростать ногу.

«Хочешь, чтобы сын тебя уважал? Чтобы дочь была здорова? – вела бесконечный воспитательный монолог я. – Тогда давай, звони».

Голос Клавдии Анатольевны возник внезапно, как дно под моими ногами.

– Да-да, мы в реанимации. Только во взрослой. В детской не было никого! Отпуск, чтоб их сплющило! Пришлось во взрослую. А там нет ничего маленького... Иголки... Большие такие... Данюша кричала. Так кричала... Вену порвали.

Дно начало уходить из-под ног. Только крошечные пальчики сына удерживали меня на краю реальности. Они держали прямо за сердце, маленькие неподстриженные ногти впились в кожу под грудью.

– Сейчас – что?

– Дали наркоз. Подключичный катетер. Откачивают. Говорят, если бы до вечера подождали, то точно бы всё. А так, может, успеют, – равнодушным безжизненным голосом отчиталась свекровь.

– Откачивают. Борются за жизнь, – на немой вопрос мужа ответила я. – Еще несколько часов – и всё. Бы. А так не всё, прикладывают усилия. Вены порвали-и-и...

Рев хлынул из меня той стремительной темной водой военной базы.

– Не плачь, не плачь, – гладит муж мою вздрагивающую голову. Или это дрожит его рука? – Они справятся, они колют ей инсулин. Количество людей, умерших от диабетической комы, всего один процент... в развитых странах. А так от шести до двадцати четырех процентов. Это немного, немного!

Почему, когда муж смотрит информацию в интернете, ему попадают толковые тексты со статистикой, а мне – всякая ерунда насчет того, что сахарный диабет (*diabetes mellitus*) известен со времен Древнего Египта и означает «сладкий, как мед»? Раньше эту болезнь определяли, пробуя мочу на вкус, а единственным лекарством были ударные дозы алкоголя. Казалось бы, я, как журналист, должна лучше работать с информацией, но получается по-разному. Тем не менее, что-то в моей заполненной плачем голове все-таки отложилось.

Что мы узнали

1920-е годы стали началом новой эры в терапии сахарного диабета, до этого довольно быстро

заканчивавшегося фатально. Применение инсулина в практической медицине двадцатого века позволило сохранить и продлить жизнь миллионам людей.

Как работает инсулин?

Во-первых, все жизненно важные процессы в организме требуют энергии.

Во-вторых, источником энергии является пища. Самым быстрым и удобным топливом для клеток служат углеводы. В процессе пищеварения они расщепляются до глюкозы, которая поступает в кровь.

В-третьих, нормальный уровень сахара крови поддерживается и регулируется сложной системой, в которой важнейшую роль играет инсулин. С помощью инсулина клетки организма могут использовать энергию, которую содержит глюкоза. Но у инсулина есть и другие обязанности в организме:

- с его помощью глюкоза, которая не успела превратиться в энергию, трансформируется в печени и мышцах в гликоген;

- когда организм считает запас гликогена достаточным, излишек глюкозы идет на образование жира;

- инсулин препятствует переходу белков и жиров в глюкозу.

Без инсулина его работу выполнять некому, вот и получается, что:

- глюкоза не поступает в клетки, и они начинают испытывать энергетическое голодание;

- гликоген в печени не образуется;

- организм старается извлечь глюкозу хотя бы из белков, потому что думает, что ее нет;
- количество глюкозы в крови растет.

Глава 4

В реанимацию меня должны были пустить в половине седьмого. Я закупила всё, что сказали: ампулы, маленькие иголки и еще большую упаковку успокоительного.

– У вас водичка есть?

– 60 рублей без газа.

– Да мне только таблетки запить.

Со вчерашнего дня я так и не смогла прекратить плакать. Дурацкие слезы лились, как из протекающего крана.

Женя плевался – не хотел пить соленое молоко. Муж натянул на голову подушку.

Справедливости ради надо отметить, что дома я и не пыталась прекратить. Я думала только о том, что моя маленькая дочка в страшной реанимации, и ее там колют огромными иглами. А мы тут пытаемся наслаждаться сном!

Не разбудила мужа пинками только потому, что боялась потревожить Женьку, сопящего в шею. Только повернула голову, чтобы слезы стекали в другую сторону. Женьке на руках было хорошо. Это вам не в кровати морозиться.

Маленькие коричневые таблетки успокоительного прыгали из блистера то на пол, то на прилавок.

Наконец поймала две, выпила, жадно хлебнув воды из кружки провизора.

– Успокоительное сразу не возьмет, – прокомментировала

продавщица. – У него накопительный принцип действия.

– Накопительный? – вышелушила еще две. Нет, три таблетки.

– А у вас что? Муж ушел?

– Муж? Причем здесь муж? – какие глупые эти фармацевты. Да пусть бы от меня три раза муж ушел, лишь бы Дана была здорова!

– В реанимации нельзя плакать. Надо быть бодрой и излучать веру в лучшее, – объяснила я. – И я излучу! Дайте на всякий случай еще одну упаковку.

* * *

Я думала, в реанимации должно быть шумно, все бегают и орут «Разряд!», «Мы его теряем!», как у нас в редакции, когда номер должен уже уйти в печать. Но там было очень тихо. Маленькое, всего на несколько комнат, и какое-то уютное помещение. В первой комнате на столике стояло блюдо с остатками торта и лежал нож.

Милая светловолосая медсестра надела на меня халат – очень чистый и аккуратно заштопанный на локтях. Она ничего не спрашивала, и я ничего не говорила, боясь, что эффект от успокоительного еще не успел накопиться в глазах.

– Сюда. Заходите.

Клавдия Анатольевна повернула голову. Непослушные завитки волос стояли дыбом. Мятая кофта – со следами паль-

цев дочки. Оказывается, свекровь – это очень близкий родственник. Иногда даже ближе мужа.

– Ну вот, теперь мама с тобой побудет, а я на работу, брать отгулы, – фальшиво бодрым голосом сообщила она.

– Мама!

Никак не могу перевести взгляд. Старательно улыбаюсь, растягивая рот, как синий кит. Дана улыбается мне из-за нагромождения иголок и трубочек. Мой самый лучший в мире персик!

Проклятое успокоительное явно не справляется со своими обязанностями. Промокаю глаза подолом халата. Стоит подать в суд на производителей.

– Привет! – радостно говорю я, втягивая живот. В животе кишки свиваются и завязываются в узлы, как рассерженные змеи. – А я тебе такую игрушечку принесла!

– С игрушками осторожно, – возникла из воздуха медсестра, проводившая свекровь и вернувшаяся на пост. – Придерживайте ее за ручки. Надо, чтобы не выскользнула капельница. И вот здесь иголка, видите, – откидывает волосы дочки в сторону. – И вот здесь.

У Даны тонкая шейка, пятна крови рядом с иглой подключичного катетера кажутся огромными. Огромная емкость с физраствором и еще одна, небольшая – с инсулином. А с другой стороны на всякий случай подготовлена капельница с раствором глюкозы – вдруг сахар крови упадет слишком сильно.

– При сахарном диабете в организме развивается недостаток витаминов и минеральных веществ, особенно витаминов-антиоксидантов А, Е, С и всех витаминов группы В, поэтому мы ей еще витамины вливаем, – поясняет медсестра.

Киваю, глупо улыбаясь в пространство. Очень трудно быстро согнать с лица приклеенную улыбку.

– Вот прокапаем инсулин, и можно будет обтереть влажной тряпочкой. Только вам спать нельзя, – предупреждает медсестра, опытным глазом расшифровывая мои опухшие глаза. – Иначе иголка может выпасть. Она заснет скоро, а вы – ни-ни!

Я киваю. Не спать – это легко. Особенно, когда не надо делать бодрый вид. Можно сидеть и обдумывать иск, который предъявлю фармацевтической компании – производителю успокоительных таблеток.

– А это... вылечится? – спрашиваю я уходящий халат медсестры.

– Сахарный диабет? Э-э-э... Придет врач, поговорите с ним.

– Мамочка, я так хочу кушать, – шепчет Данка. – Можно мне макарон? Пожа-а-луйста! Только один макарончик!

Я сжимаю в сумке контейнер с контрабандными макаронами и огурцом. Отойти страшно – вдруг иголка выберет именно этот момент, чтобы выскользнуть из вены. Кричать тут нельзя. Есть такие места, где кричать ни в коем случае нельзя. Например, в пещере, где может обрушиться свод.

Или в горах – из-за возможной лавины. И еще в реанимации.

– Сейчас, минутку, – я пячусь к выходу и резко поворачиваюсь, намереваясь со всех ног бежать на поиски врача. Но врач – вот он. Потирает плечо, которое я боднула.

– Простите... Извините, доктор, – лезет из меня это старое уважительное обращение – доктор. Хотя врач, конечно, не доктор наук, он очень молодой. Глаза в коротких, будто обрубленных, ресницах смотрят внимательно и спокойно. – Можно нам поесть макарон? Хотя бы один макарончик?

Виктор Владимирович Ковалев, врач-реаниматолог – так написано на бейджике – заходит в палату.

– Посмотрим. Та-а-ак... Неплохо. А посмотрите, какой мы ей румянец сделали, а? Такая беленькая была, а сейчас? Да, бельчонок?

Дана улыбается, и я послушно улыбаюсь вслед за ней, хотя никакого румянца в упор не вижу. Щеки слегка розоватые, такой цвет бывает, когда первый раз окунаешь запачканную красной акварелью кисточку в стакан.

– Девочке с такими замечательными щечками можно съесть немного макарон, – довольно объявляет доктор. – Всё равно мы ей постоянно инсулин вливаем. Потом уж ни-ни, всё считать будете. А пока – лопайте!

– Доктор, а вылечить это можно? Навсегда? – достаю макароны. Обычные рожки, даже без масла, только чуть-чуть подсолненные. Вкладываю прямо в рот дочери, чтобы не шевелить трубки капельницы.

Виктор Владимирович яростно ерошит волосы. Видимо, не впервые. На затылке явственно проглядывает лысина.

– Пока миру неизвестен ни один случай полного излечения. Вы понимаете, там просто нечего лечить? Клетки поджелудочной железы, которые отвечали за этот процесс, умерли. Их больше нет. Но!

Ковалев поднимает палец, и я с надеждой смотрю на желтоватый крепкий ноготь.

– Вполне можно вести нормальный образ жизни, добиться хорошей компенсации. Люди с таким диагнозом даже ухитряются быть спортсменами федерального уровня. И потом, наука не стоит на месте. Много всего изобретают. Вон, пересаживают почки, поджелудку. Короче, просто ваша жизнь будет немного другой.

Немного другой? Это будет уже совсем другая жизнь!

Дана поднимает неожиданно тонкую руку (моя аппетитная Данюшка-зефирюшка – тонкую?) и сжимает тестяное сококровище в кулаке.

Так и засыпает, устав от жевания на четвертой макаронине. Я автоматически кладу в рот следующую порцию и морщусь от противного вкуса. Какие-то горькие они и соленые. Вообще несъедобные.

– Попробуйте, – предлагаю заглянувшей медсестре.

Та вежливо откусывает микроскопический кусочек.

– Хорошие макароны. Свежесваренные, – комментирует она, поглядывая на меня с легкой настороженностью.

Наверно, в реанимации полно психов. То есть приходят сюда нормальные люди, а прямо тут, в уютной комнатке с белой кроватью, р-раз – и подвигаются рассудком. Я-то не подвинусь. У нас с Даной всё будет хорошо. Но другие могут об этом не знать.

– Вы очень правильно делаете, что не развариваете макароны слишком сильно, не повышаете их гликемический индекс, – видимо, поверив в мою относительную адекватность, добавляет медсестра.

– Что?

– Гликемический индекс продукта – скорость, с которой содержащиеся в нем углеводы повышают уровень сахара крови. Картофельное пюре лучше вручную толкушкой разминать, а не миксером взбивать. И масло в него добавляйте, молоко – это понизит гликемический индекс. Разберетесь потом.

Я рада, что медсестра верит в наше общее с Даной «потом». Открываю телефон и вбиваю в него слова «гликемический индекс». Думаю, информации как раз хватит на всё время дежурства. Телефон исправно отвлекает меня от неестественно тонкой руки дочери.

Что мы узнали

Гликемический индекс (ГИ) – попытка описать действие разных продуктов на повышение сахара крови.

Те, что быстро повышают уровень глюкозы в крови, имеют высокий индекс, а те, что медленно, – низкий. За сто процентов принят гликемический индекс чистой глюкозы. По этому признаку все углеводы можно разделить на:

- хорошие для диабетиков, с низким ГИ до 50 % (молочный шоколад, бананы, мороженое, яблоки, фасоль, чечевица, молоко, арахис);

- средние для диабетиков, средний ГИ 50–70 %, можно употреблять ограниченно (ржаной хлеб, рис, макароны, виноград, мед);

- плохие для диабетиков, с высоким ГИ выше 70 %. Их есть вообще не рекомендуется (картофельное пюре, белый хлеб, овсяная каша, лимонад, кукурузные хлопья, вареный картофель).

На ГИ продукта влияет:

1. Форма. Если продукт измельчен, он переварится быстрее, соответственно, и ГИ выше. Например, сок одного яблока быстрее повысит сахар крови, чем яблоко, съеденное целиком.

2. Присутствие клетчатки, белков и жиров. Они замедляют всасывание углеводов.

3. Способ кулинарной обработки. ГИ отварного картофеля выше, чем жареного. ГИ переваренных каш искусственно завышается.

4. Температура пищи. Например, замороженные фруктовые десерты имеют более низкий ГИ, чем те же фрукты в натуральном виде.

Поднимаю глаза от экрана. Чем мне кормить дочь? Чече-

вицей и шоколадом? А как же то, что диабетикам нельзя есть сахар? Это слишком сложно! Я не понимаю, а главное – не хочу понимать. Решительно убираю телефон и возвращаюсь взглядом к трубке капельницы. Пока эта проблема не стоит. Будет день – будет и пища, а какая именно – покажет время.

Глава 4

Еду домой на ночь. Там Женька. Клавдия Анатольевна говорит, что он ужасно воспринял мамино отсутствие и плохо пьет из бутылки. Сейчас она пришла в уже привычную реанимацию, а я – домой. У меня еще сын и дочь. Отгулы Клавдии Анатольевне не дали, и она договорилась, что пребывание в реанимации будет засчитываться как библиотечные дни. Тем более, что там вполне можно сидеть и читать, а по тишине никакая библиотека не сравнится с Даниной палатой.

Свекровь сразу основательно окопалась: достала игрушки для Даны, корвалол для себя и записную книжку для студенческих курсовых.

– «Совесь в художественном мире Толстого...» – забормотала Клавдия Анатольевна, осторожно отодвигая окровавленное одеяло. – Не звучит. «Суд и совесь в художественном мире Толстого». Нет, тут они такого понапишут! «Суд и совесь в “Анне Карениной”». Вот как! Еще можно «Суд человеческий и суд божий». Или «Убийство и святость у Лескова».

Она застрочила карандашом по бумаге. Я молча смотрела на то, как черные буквы пятнают белую простыню листа.

– Посмотреть, сколько убийств совершает главный герой в «Очарованном страннике». При этом внутри текста он вос-

принимается как святой...

Иногда свекровь кажется мне каким-то отдельным существом – не человеческой, совершенно иной природы. И дело не в том, что взгляд невестки на свекровь не отличается объективностью. Просто Клавдия Анатольевна порой бывает непонятной обычному нормальному человеку.

На этом фоне мамин звонок с традиционным вопросом «Ну как?» воспринимается приятно понятным.

– Доктор сказал быть готовой ко всему, – спокойно говорю я. Успокоительные таблетки все-таки подействовали. Мысли в голове ворочаются медленно, застывая мухами в янтаре. – Сейчас иду к Женьке. Завтра позвоню.

Дома ожесточенно тру мочалкой тело. Говорят, вода смывает всё плохое, оставляя хорошее. В этом случае изнутри я уже чистая, до скрипа отмытая слезами, осталось смыть грязь снаружи.

Прикладываю сына к груди, стеклянным взглядом уставившись в стену напротив.

– А-а-а... – Женя орет. Его огромные глаза, предмет зависти всех мам в роддоме, опухли до неузнаваемости. Он отчаянно крутит головой и кусается беззубыми челюстями.

– Женюшка, что? – все-таки успокоительное ужасно ненадежно. Стоит произойти чему-то по-настоящему важному, как оно тут же складывает лапки. – Кушай, маленький... Да что же это такое!

Я давя на сосок, пытаюсь направить струйку молока в

рот ревущему сыну. Но струйки нет. Капли тоже нет. Вообще ничего нет.

Безжалостно тискаю грудь, чувствуя, как в душу начинает закрадываться страх. Молока нет. То есть ресурсов нет. Сил нет. Ты – не справишься.

– Леша, Леша! Бутылку!

Мы с Женей вламываемся в комнату, где муж с Майкой пытаются отгородиться от мира бароном Мюнхгаузенем.

– Скорей разведи смесь! Вы ведь покупали с бабушкой?

Майя смотрит на меня глазами подстреленной лани. Она только-только начала верить, что реанимации и взрослых непонятных вопросов «Уже всё? Еще борются?» не существует, а есть только олень с деревом, выросшим из вишневой косточки прямо между рогов.

Женька устал орать. Он икает и всхлипывает, содрогаясь всем телом.

Ты не можешь спасти свою дочь. Ты не можешь позаботиться о сыне. Зачем ты такая нужна?

Женя вцепляется в бутылку. Пьет, не переставая икать и захлебываться. За что ему всё это? Ему ведь и двух месяцев нет. Чем он заслужил, Господи? А Дана? Моя светлая жизнерадостная добрая дочка? Почему мы? Ведь и так родился третий ребенок, нагрузок и стрессов на одну семью более чем достаточно. Я всегда просила у тебя здоровья и гармонии. А что в итоге? Как ты мог, Господи, как ты мог?!

Наконец, измученный сын уснул в своей кроватке. Майя

тоже спит. Свет выключен по всей квартире, и я медленно бреду на кухню, обнаруживая там Лешу. Он стоит, вцепившись в подоконник.

За одиннадцать лет брака я впервые увидела, как плачет мой муж.

Вжимаю лоб в его спину.

– Ты всё делаешь правильно, – шепчу я.

– Я всё делаю правильно, – вру я.

– Всё будет хорошо, – фальшиво утешаю я.

«Хоть бы кто-нибудь умер, и всё это поскорее закончилось, – думаю я на самом деле. – Ребенок. А лучше бы я. Или весь мир. Пусть сдохнет весь мир!»

И тут же отчаянно: жить! Мы все живы. Дочь ЖИВА, и всё будет хорошо. По крайней мере, что-то вообще будет. Это уже немало.

Муж поворачивается и неловко обнимает меня в ответ. Стоим, как дурацкий памятник каким-нибудь героям.

Потом вместе читаем про диабет. Это объединяет. Кажется, что чем больше информации ты усвоишь, тем быстрее дочь переведут из реанимации. Как будто привычное проглатывание букв возвращает на место взбесившийся мир, дает логичное и научное объяснение реальности.

Муж предпочитает читать англоязычные ресурсы. Он прокручивает научно-популярные фильмы и легким движением кисти отбраковывает сайты, показавшиеся ненадежными.

– У нас крекеры есть?

Сдерживаюсь, чтобы не покрутить пальцем у виска. Политкорректно мотаю головой.

– Жаль. Есть простой тест на диабет: берешь несоленый крекер и жуешь. Чем быстрее ты ощущаешь, что крекер поменял вкус, стал сладким, тем меньше шансов, что у тебя диабет. Сладкий вкус показывает, что выработалось достаточное количество амилазы, которая подает сигнал: пора расщеплять углеводы. Если на протяжении тридцати секунд ощущение изменения вкуса, сладковатости не возникло или появилось позже, это знак того, что на генетическом уровне риск возникновения диабета очень высок.

Сглатываю слюну, полную потенциальной амилазы. В доме нет не только крекеров, но и вообще чего-либо съедобного, если не считать детской смеси.

– Надежнее померить уровень сахара специальным прибором, – парирую я. – Называется глюкометр. Прокалываешь палец и засасываешь им каплю крови.

Нормальный уровень глюкозы в крови при заборе натощак составляет 3,5–5,5 ммоль/л, но, на самом деле, это последний рубеж обороны. Высокий уровень сахара крови натощак появляется уже при серьезно запущенном состоянии. А предварительную диагностику надо проводить через два часа после приёма пищи: в этом случае у здорового человека уровень сахара не должен превышать 7,5 ммоль/л.

– В одном шоколадном маффине 10 кубиков сахара, а в

порции «крошки-картошки» – 19 кубиков сахара, – не по теме отвечает муж. – Сахар везде, даже в овощах. Кошмар какой-то.

– Что ты всё время читаешь этих англичан! Они там все сдвинутые на здоровом питании.

– Нам тоже полезно было бы сдвинуться, – хрипит муж, не торопясь промочить горло глотком сока. – Диабет второго типа по всему миру обратим, а у нас он рассматривается как хроническое неизлечимое заболевание. Проблема нашей медицины в том, что она зажата между населением, которое ничего не знает и знать не хочет, и властью, которой нужны хорошие статистические показатели. У всех надо брать анализ на гликированный гемоглобин!

Я не задаю вопросов и молча вбиваю в строке поиска новое словосочетание. Я так много узнала за последние дни, что чувствую себя академиком в маразме.

Что мы узнали

Гликированный гемоглобин – HbA1C, Glycated Hemoglobin. Скорость этой реакции и количество образующегося гликированного гемоглобина зависят от среднего уровня глюкозы в крови за последние три месяца. Норма – 5,7–6,1 %. Значение 6,1–6,4 % уже указывает на риск диабета, а если показатель выше 6,5 %, то ставится диагноз преддиабета и назначаются

дополнительные обследования.

– Нам говорят при диспансеризации: «Померяйте на-то-ща-а-ак сахар», – передразнивает кого-то Леша. – Вмesto того чтобы сделать проверку на гликированный гемоглобин. Именно при помощи этого анализа выявляется диабет на самых ранних стадиях, когда еще возможно взять ситуацию под контроль, назначить эффективное лечение. А почему так происходит? Дорогой анализ потому что! Их жаба душит проводить всему населению подобные анализы. Кроме того, знаешь что?

– Что?

– Боятся! Такие результаты могут вскрыться – мама не горюй. Полстраны преддиабетиков.

Я вздыхаю. В глубине души знаю: меня бы это устроило. Мне не хочется быть особенной, чтобы на моего ребенка показывали пальцем и дразнили инвалидкой. Я закрываю глаза и вижу здоровую, красивую смеющуюся дочку – выпускницу крутого вуза... Интересно, какой у нее гликированный гемоглобин?

* * *

Меня будит телефонный звонок.

– Нас переводят в обычную палату! – не сразу узнаю звонкий, совсем девчоночий голос.

– Клавдия Анатольевна?

– Острой угрозы для жизни нет! Мы в терапевтическом отделении будем лежать! Так что давай, приноси одежду. Да хорошую возьми, а то знаю я тебя, покидаешь старье какое. Новый костюмчик, помнишь, я покупала? И игрушек. Памперсы еще – Данка во сне писается. И фломастеры для рисования. Щетку не забудь зубную!

– Да-да, памперсы для рисования, щетку новую... Что? Всё... хорошо? Мы выздоровеем?

– Они говорят, нет. Сахарный диабет на всю жизнь, – шепот свекрови становится узнаваемо-хрипловатым. – Но, может, ошибаются? Надо еще обследоваться в Москве. Врачи же часто ошибаются...

– Клавдия Анатольевна, вы самая лучшая свекровь в мире! Кстати, Женя хорошо ел смесь и спал шесть часов подряд!

Хочется носиться по квартире с воплями: «А кто у нас такой хороший? А кто у нас такой красивый? А кто у нас такой милый?» и тискать всех подряд. Домашние чутко ловят мое настроение и расползаются по углам. Майя спасается в ванной.

Помню, один раз они вместе с Даной купались в ванной, и после очередного вопля я пыталась успокоить младшую дочку именно такими словами: кто это у нас такой хороший? Кто у нас самая лучшая девочка в мире?

Данка тогда уверенно ответила: Мая.

– Мама, я могу прийти к Дане в больницу? А мыльные пу-

зыри туда взять разрешат? А давай, Женю тоже принесем! – трещит Майя.

Не спеша заплетаю ей косички. У дочери очень хорошие волосы: вьющиеся, с красноватым отливом, но при этом на диво толстые. Неспешно пропускаю пряди между пальцами, это медитативное занятие успокаивает, хотя дочери совершенно не нравится.

– Что ты дергаешься? Ведь не больно же?

– Не люблю, когда у меня копаются в волосах. Это значит, что я лидер и не готова подчиняться, – тут же выдает полезную информацию Майя.

– погоди, ты хочешь сказать, что если человек любит, когда ему делают прически, то он – ведомый приспособленец, а если ходит нечесаный или лысый, то он лидер?

– Ну да.

– Что-то в этом есть, – задумчиво комментирует Леша.

Я со вздохом переключаюсь на кота. Многочисленными научными исследованиями доказано, что люди, которые часто гладят кошек, реже страдают депрессией, гипер- и гипотонией, менее подвержены стрессам, плохому настроению. Кошкотерапия широко используется при лечении умственно отсталых детей, пациентов с расстройствами психики, сердечными заболеваниями. Также кошки помогают исцелению людей, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. Это прямо все про меня – и про расстройства психики, и нелады с сердцем и периодическим подвисанием на

ровном месте. Про успокоительное в промышленных количествах и говорить не стоит.

Жалко, что все эти «многочисленные научные исследования» – чистая теория, не выдерживающая проверки практикой.

Впрочем, Леша давно освоил всю кошкотерапию на практике, из всех нас он предпочитает гладить кота и всегда защищает его прямо-таки грудью. «Он не виноват, не виноват, – уговаривает муж. – Ты посмотри, какой он беленький, маленький. Он не специально!»

– Гад он и вредитель человечества, – традиционно огрызаюсь я. – Что ты его таскаешь? Ребенка никогда не заставишь на руки взять, а эту гнусную морду – пожалуйста.

Почувствовав изменившееся настроение, кот недовольно вывернулся из-под руки. С его точки зрения, вредителей в этой семье хватает, но его хвостатое святейшество к ним точно не относится.

Утро – очень хорошее время. Можно даже съесть завтрак – омлет и бутерброды с маслом. Не помню, когда я последний раз ела завтрак. Или обед.

– Так, всё, не шебуршитесь. Мне надо собрать вещи, а то мамант меня убьет, – весело отбиваюсь я. – Леш, вы с Женей погуляйте через часик. Не забудь в одеяло поверх комбеза завернуть. Вот, на кровать выкладываю. Ты смотришь?

– Да-да, – рассеянно отвечает Леша.

Уезжаем с Майей в больницу сменить свекровь.

У меня много знакомых, даже есть один депутат, который ласково улыбается, когда я прихожу к нему согласовывать текст интервью. Сделать так, чтобы нас перевели в московскую больницу, для него – раз плюнуть. По крайней мере, именно так я представляю работу депутатов. Им звонят люди и говорят: «Уважаемый Н.! Нам очень надо обследовать своего ребенка в лучшей больнице». А он отвечает: «Да раз плюнуть!»

Я дозвонилась с пятнадцатого раза. И то потому, что мой номер, видимо, был забит у депутата «в хорошем списке».

– До начала заседания три минуты. Коротко и по существу.

– У моего ребенка сахарный диабет. Хочу обследоваться в больнице в Москве. Скорее! – отрапортовала я.

– Понял, тебе позвонят после обеда.

После обеда секретарь выдала телефон и фамилию. Еще через двадцать минут нас выгрузили из ставшей родной реанимации и, завалив бумажками, повезли в Москву.

Столичная палата оказалась рассчитана на двух мам и двух детей. Обычная, только очень жесткая кровать для мамы и странная конструкция, замкнутая железной, с лязгом поднимающейся решеткой, – для ребенка.

– Чтобы не выпал, если что, – пояснила нянечка, елозя

тряпкой по полу.

Дана сидит у меня на коленях, обхватив ногами и руками, как маленькая обезьянка. Силы в этом обхвате – только карликовую обезьянку и удержать.

Перебираю задания: узнать рост и вес ребенка. А, вот, вес они уже измерили – тринадцать килограмм. Тринадцать? Было двадцать один! Ладно, спокойно, стройность украшает женщину. Украшает, я сказала.

Так, целый день писать в мерную емкость, измерять объем мочи и сливать в банку. Измерять, сколько ребенок пьет. Измерять уровень сахара – каждые два-три часа, перед едой.

Сдать анализы на кровь, кал. Ухо-горло-нос, окулист, невролог, ортопед, УЗИ... Да тут и здоровый загнется!

– А если мы специалистов не успеем сегодня пройти? – спрашиваю у зашедшей к нам медсестры.

– Вы и не успеете. Это вам на три дня. Вы, главное, анализы сдайте. И писать в баночку не забывайте! – назидательно поднимает палец она. Взгляд недобрый и равнодушный, как у придонного сома. Она совсем-совсем не похожа на светлого тихого ангела из реанимации. Спешит сесть за свой стол на посту и вязать крючком голубую салфетку.

В больнице можно очень быстро чему-то научиться, потому что в обычной жизни жалко тратить несколько часов на всякую ерунду, а в больнице времени хоть отбавляй.

Мы узнали, что аппаратик, похожий на пейджер, называется глюкометр. И что перед измерением сахара надо мыть

руки, и что самое не болезненное – тыкать прокалывателем чуть-чуть сбоку от подушечки среднего пальца. Дана даже сама научилась засасывать капельку с пальца глянцевитой тест-полоской. После каждой процедуры она заботливо спрашивает: «Ты поел, мой кровожадный телефончик?» Телефончик сыто мигает и выдает результат.

Обычно – неутешительный.

Съесть что бы то ни было моему ребенку теперь очень непросто.

Сначала надо подсчитать, сколько в еде хлебных единиц. Это такая мера измерения углеводов для диабетиков в нашей стране. Одна хлебная единица – это кусочек черного хлеба весом 25 граммов или кусочек белого весом 20 граммов. Чувствую себя блокадницей. В одной хлебной единице 12 углеводов. Все говорят разное – от 10 до 12, но мы взяли 12. Потому что 10 углеводов это гораздо меньше 12, если речь идет о твоём ребенке, провожающем голодным взглядом каждый кусочек огурца.

За один прием пищи дочка может съесть не больше трех хлебных единиц, или 36 углеводов.

Перед каждым приемом пищи следует измерить уровень сахара и сделать укол инсулина. Питаться чаще, чем раз в три-четыре часа, невозможно. Инсулин накладывается друг на друга, и просчитанные дозы начинают вести себя совершенно неправильно.

То есть моя дочка не может съесть на улице мороженое

или попробовать мамин блинчик со сковородки. Черт, наверно, с блинчиками вообще придется завязывать. И вообще со всей вкусной едой? Лучше бы мы умерли!

Я встряхнулась и отодвинула подальше к окну коробочку со шприц-ручками. Их две: так называемый ультракороткий инсулин «Новорапид» и инсулин длительного действия «Левемир».

Что мы узнали

Мы на базис-болюсной инсулинотерапии. Это значит, что надо делать инъекции длинного (базального) инсулина «Левемира», который необходим для глюкозы, синтезирующейся в организме между приемами пищи, а также инъекции ультракороткого инсулина «Новорапида», то есть болюсов, которые необходимы для снижения уровня глюкозы, получаемой нами с пищей.

Инсулин длительного действия действует около двенадцати часов и вводится дважды в день для обеспечения базального уровня между едой и ночью. «Новорапид» дает быстрый эффект уже через десять-пятнадцать минут после введения, его надо колоть перед едой, тогда к моменту, когда глюкоза из пищи перейдет в кровь, инсулин будет активен. Ультракороткий инсулин активно действует два-три часа, а через четыре часа на его действие рассчитывать

уже не приходится.

Соседка Августина на кровати напротив завистливо косится на нас – к ее ножке примотан мочеприемник. Мы на нее – тоже. У Августины дырка в почке, и ей будут делать третью операцию подряд, но зато потом это закончится, и она будет здоровой.

– Детка, скушай бутербродик, – уговаривает мама Аня. – А соку хочешь? Может, печенья?

Августина отталкивает мамину руку. Данка рыдает.

Я пытаюсь отвлечь дочь Корнеем Чуковским, но как можно отвлечь человека, если за полтора метра от него на тумбочке лежит гора вкусной еды, и кто-то бессовестно чавкает под самым твоим носом?

Аня сочувствует Дане и накрывает еду розовым полотенцем. Получается еще хуже.

Дочь лежит и гадает, что именно там спрятано, какие за лежи запретной невероятной вкуснятины:

– А вот если на колбасу вместо хлеба положить два крекера. И помидоркой прикрыть...

Присказка про голодающих детей Африки уже не кажется такой смешной. Внезапно вспоминается, как Дана летом всё время пела вместо «мы едем-едем-едем в далекие края» – «мы едем-едем-едем в голодные края».

Вот и приехали...

– Дан, водички не хочешь?

Дочь мотает головой.

– А давай динозавров рисовать? Тоже нет? – вообще-то это правильно. Динозаврами уже зарисована вся моя записная книжка и немножко стены рядом с кроватью. Вчера мы с Аней едва успели отмыть их до обхода врача.

– Молодцы мамочки, следят за чистотой в палате. Гигиена прежде всего, – кивал старенький нефролог, одобрительно оглядывая тряпки в наших руках.

Мы преданно кивали, закрывая спинами неумытый кусок хвоста.

– А про котика почитаем?

Августина с Даной соглашаются.

Наш затертый до дыр «Усатый-полосатый» занимает почетное место на маленьком общем столике посреди палаты. Доходим до слов о том, как девочка учит котенка говорить:

– Котик, скажи «мячик»...

– А он говорит «мяу», – подхватывает Данка.

– Скажи «лошадь»...

– ...А он говорит «мяу».

– Скажи «э-лек-три-чес-тво»...

– ...А он всё мяу да мяу!

Начинаем историю заново, и на словах «Принесла кусочек сала, говорит котенок: “мало”» обогащенная новым опытом Дана комментирует:

– Кушать захотел – сразу говорить научился!

Глава 5

Дни в больнице тянутся медленно. Кажется, я была дома не одну, а целых три жизни назад. Я почти не помню, как выглядит сын и когда у дочки заканчивается школьный семестр. О спокойной ванне, полной пены и горячей воды, остается только мечтать. Зато телефон стал предметом первой необходимости, почти как глюкометр и коробочка с инсулином. Вчера мы целый день измеряли количество выпитой воды и собирали мочу в специальную банку, предварительно тоже измерив. Расписание дня выглядело так:

07:54 – выпили воды 55 мл.

08:00 – моча 60 мл.

09:00 – завтрак. Измерение сахара крови – 16,4 ммоль/л, вкололи 4 ед. новорапида, 2 ед. левемира. Съели еды на 3 ХЕ: каша (1,5 ХЕ), хлеб с маслом (1 ХЕ), кофе с молоком (0,5 ХЕ), яйцо.

10:17 – выпили 25 мл воды.

10:45 – воды 10 мл.

10:50 – моча 160 мл.

11:00 – перекус. Измерили сахар крови – 20,3. Расстроились. Вкололи 2 ед. новорапида и съели печенье на 0,9 ХЕ.

12:25 – 130 мл мочи.

13:00 – обед. Измерили сахар крови – 12,1 ммоль/л. Вкололи 4 ед. новорапида, съели обед на 3 ХЕ: суп

гороховый (0,5 ХЕ), каша гречневая (1,5 ХЕ), компот несладкий (0,5 ХЕ), 1/3 яблока (0,5 ХЕ).

14:00–16:00 – сон.

16:00 – перекус. Измерили сахар крови – 8,3 ммоль/л. Обрадовались и на радостях съели немного отварной говядины без всяких уколов. Там же одни белки.

16:35 – вода 60 мл, моча 140 мл.

17:00 – вода 75 мл моча 100 мл.

18:00 – ужин. Измерили сахар крови – 12,9 ммоль/л. Поняли, что радовались несколько преждевременно. Вкололи новорапид 4 ед. Ужин на 3 ХЕ: карт. пюре (2 ХЕ), несладкий компот (0,5 ХЕ), половинка яблока (0,5 ХЕ).

20:30 – измерили сахар крови – 5,4 ммоль/л. Это очень хороший результат! Съели слоеный хлебец на 0,9 ХЭ, чтобы не бояться ночной гипогликемии.

21:10 – 100 мл мочи.

21:45–75 мл мочи.

22:00 – вода 25 мл. Измерили сахар крови – 7,4 ммоль/л. Ввели 1 ед. левемира.

23:00 – вода 125 мл.

03:00 – измерили сахар крови – 17,6. Медсестры на посту не было, а врач сказал ни в коем случае самой ничего не вкалывать. Легла дремать, кусая губы.

06:00 – измерила сахар крови – 16,2 ммоль/л. Медсестра была – вкололи новорапид 1 ед. Дана даже не проснулась. Заодно сдала собранную мочу, получилось 805 мл. А воды за день дочка выпила 575 мл, но ведь еще были суп, компот и кофе. Думаю, литр жидкости

мы все-таки выпиваем.

Утренний сахар сегодня порадовал – 9,1 ммоль/л. По крайней мере, мы в десятке. Можно позвонить домой и узнать новости.

– Алло, Клавдия Анатольевна? Как ваши дела? Что Женечка?

– Отлично. Хорошо кушал. Какал два раза. Спал. Только всё время на левый бок поворачивается, у него и головка немножко сплюсчилась.

– Надо полотенце подкладывать, – заволновалась я. – Или можно кровать повернуть. Кормить еще на другой сторо...

– Держи ножки, держи, Никита!

– Клавдия Анатольевна?

– Минутку, мы с Самсоновичем пеленаем. Ник, ну кто так держит, это же не транзистор, а живой ребенок. Во-о-от... А кто тут мой лучший в мире, кто мой хорошенький? Никита, я не тебе.

– Клавдия Анатольевна, почему у нас в квартире Константинов? – громким шепотом интересуюсь я.

– Потому что мой сын – подлец. Усвистал на семинар, а кто будет составлять программу для школ? Согласно приоритетным направлениям развития образования? Ректор?

– Так я не поняла, Никита Самсонович пришел к нам, то есть к вам, чтобы составить программу?

– Ну да. У нас взаимовыгодное сотрудничество. Я ему программу, а он с Женечкой погуляет.

– А где Семен Филиппович? – осторожно спросила я.

– Они с Майкой в картинной галерее. Я их выперла, чтобы под ногами не болтались. Да, мое солнышко?

– Э-э, Клавочка...

– Никита, я не тебе!

Хорошо или плохо, что проректор гуляет с моим сыном? Не забудет ли он подоткнуть одеяльце? Поможет ли спасти от сокращения моих домашних?

Положив трубку, задумчиво вдыхаю аромат инсулина. Он довольно специфический, но не противный. Просто отчетливо узнаваемый. Немного похож на запах метро. Некоторым нравится, других передергивает от одного упоминания. Я пока не определилась с отношением. Но вот то, что смогу с закрытыми глазами найти инсулин на манер хорошей охотничьей собаки, – несомненно.

Делаю укол, старательно собирая кожу в складочку. Не захватывать мышцы, только жировая ткань. Какая у моего исхудавшего малыша жировая ткань? Ни бедро, ни предплечье не кажутся мне в смысле упитанности достаточно надежными. Только на животе еще осталось какое-то подобие жирка. Теперь взять шприц, перехватить его, как дротик для игры в дартс – мысленно проговариваю инструкции – и, быстро разогнавшись, вонзить шприц. Ой! Разогнаться удалось, а вот попасть – нет. Шприц-ручка улетела под кровать.

– Мам, ты чего кидаешься? – открывает глаза Дана. Она зажмуривается, чтобы не видеть страшного момента, когда

игла вонзается в кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.